

И. П. Возный

Погребальный обряд как элемент духовной культуры населения северной части Буковины в X—XIII веках

Keywords: spiritual culture, burial, burial ground, mound, ground burial, sub-slab burials, sarcophagus, charnel houses, stone circle

Cuvinte cheie: cultură spirituală, înmormântare, necropolă, tumul, necropolă plană, mormânt sub lespede, sarcofag, osuar, cromlech de piatră

Ключевые слова: духовная культура, погребение, могильник, курган, грунтовый могильник, подплитные погребения, саркофаги, костницы, каменные cromlechi

I. P. Vozny

Funerary Rite as an Element of the Spiritual Culture of the Population of the Northern Part of Bukovina in the 10th—13th Centuries

The article discusses one of the components of the spiritual culture of the ancient Rus population of the northern part of Bukovina, namely the funerary rite, since it is the most stable and hereditary features in the development of culture can be traced through it.

The local population at the end of the 10th century adhered to the rite of corpse-burning on soil burial grounds. As a result of the processes of the formation of the old Rus state and the annexation of the territory under study, a new type of inhumation burials appears here on the ancient surface under mounds. Such necropolises testify to the presence of Kiev-Rus warriors and members of their families in the study area.

With the formation of the powerful Old Rus state, the process of Christianization acquired a wide scope. All investigated burials in the territory of the northern part of Bukovina were Christian. Structurally, the graves of the studied area are divided into five types: simple (without coffins), complex (with coffins), under-slab, in sarcophagus and in charnel houses.

On the territory of the northern part of Bukovina, several burial grounds were also found belonging to the Pechenegs, Cumans, and Yatvingian burials, reflecting the military-political or trade processes that took place in the studied territories during the 10th—14th centuries.

An analysis of the funerary sites in the studied area shows that the evolution of the funerary rite practiced by the local population followed all-Rus trend and was typical for the entire Old Rus state.

I. P. Vozny

Ritul funerar ca element al culturii spirituale al populației părții de nord a Bucovinei în sec. X—XIII

În articol se discută una din părțile componente a culturii materiale a populației vechi ruse din partea de nord a Bucovinei, și anume ritul de înmormântare, deoarece el este cel mai stabil și în baza lui putem să urmărim trăsăturile ereditare în dezvoltarea culturii.

Populația locală spre sfârșitul sec. X practica ritul incinerării în necropole plane. Ca rezultat al proceselor de formare a statului Vechi Rus și a alipirii la el a teritoriului cercetat aici apare un nou tip de înmormântări — înhumații la nivelul antic de călcare sub mantale tumulare. Astfel de necropole sunt mărturie a prezenței pe teritoriul cercetat a drujinicilor kieveni-ruși și a membrilor familiilor lor.

Odată cu formarea puternicului stat Rus Vechi a căpătat o mare amploare procesul de creștinare. Toate mormintele cercetate pe teritoriul părții de nord a Bucovinei erau creștine. Constructiv mormintele teritoriului discutat se divid în cinci tipuri: simple (fără sicriu), complicate (cu sicriu), sub lespezi, în sarcofage și în osuar.

Pe teritoriul părții de nord a Bucovinei, de asemenea, au fost descoperite câteva necropole cu înmormântări ce au aparținut pecenegilor-cumanilor și iatvingilor, fapt ce reflectă procesele militar-politice sau comerciale, ce aveau loc în teritoriile studiate pe parcursul sec. X—XIV.

Analiza monumentelor funerare ale teritoriului cercetat ne demonstrează că ritul funerar al populației locale se dezvoltă în cursul general rus și este caracteristic pentru întregul stat Vechi Rus.

И. П. Возный

Погребальный обряд как элемент духовной культуры населения северной части Буковины в X—XIII вв.

В статье рассматривается одна из составных частей духовной культуры древнерусского населения северной части Буковины, а именно обряд погребений, поскольку он является наиболее устойчивым и по нему можно проследить наследственные черты в развитии культуры.

Местное население к концу X в. придерживалось обряда трупосожжений на грунтовых могильниках. В результате процессов формирования Древнерусского государства и присоединения к нему исследуемой территории здесь появляется новый вид погребений: ингумация на древней поверхности под курганными насыпями. Такие некрополи свидетельствуют о присутствии на исследуемой территории киево-русских дружинников и членов их семей.

С образованием могущественного Древнерусского государства широкий размах приобрел процесс христианизации. Все исследованные погребения на территории северной части Буковины были христианскими. Конструктивно могилы исследуемой территории разделяются на пять типов: простые (без гробов), сложные (с гробами), подплитные, в саркофагах и в костницах.

На территории северной части Буковины обнаружено также несколько могильников, принадлежащих к печенего-половецким и ятвяжским погребениям, отражающим военно-политические или торговые процессы, происходившие на исследуемых территориях на протяжении X—XIV вв.

Анализ погребальных памятников исследуемой территории показывает, что погребальный обряд местного населения развивался в общерусском русле и характерен для всего Древнерусского государства.

Духовная культура древнерусского населения формировалась и развивалась в общем русле европейской культуры. Это объясняется однотипностью социально-экономического развития Руси и западноевропейских государств, характерной для социальной структуры феодального общества.

К числу важных компонентов духовной культуры относятся погребения. Обряды захоронений всегда были устойчивыми, консервативными, и в них лучше, чем в других памятниках, прослеживаются наследственные черты в развитии культуры. Материалы исследований погребений широко употребляются для определения этнического состава населения той либо другой археологической культуры. Как отмечал А. Смирнов: «Для времени, начиная с эпохи бронзы и раннего железа, в определении культуры можно опираться на погребальный обряд, керамику и ее орнаментацию и украшения, имевшие узкий ареал» (Смирнов 1964: 3).

Кроме того, материалы исследования могильников являются важнейшим источником изучения идеологических представлений, религиозных обрядов и верований, демографии и быта населения.

На территории северной части Буковины известно более 40 могильников и единичных захоронений. Большинство из них грунтовые. Здесь исследовано около 210 погребений, из них в простых грунтовых ямах около 161, 19 подплитных, 18 саркофагов, 7 костниц, 3 коллективных могилы (рис. 1).

В археологическом отношении погребальный комплекс — это система, имеющая три составные части: погребальные сооружения, собственно умершего и сопровождающий инвентарь. К этому следует отнести еще и наличие остатков тризны, а также жертвоприношение.

Курганные могильники

В науке известна специфическая черта погребального обряда хорватов, которые вместе с уличами и тиверцами не использовали подкурганный обряд погребений. Но вместе с тем на Буковине известны два курганных могильника X—XIII вв. в Горишних Шеровцах и Днестровке.

Так, в Горишних Шеровцах исследован могильник, в состав которого входило 15 курганов, расположенных отдельными группами по 2—4 кургана в каждой (Тимошук 1982: 63—65). Сохранившаяся высота погребальных памятников колеблется в пределах 0,3—0,5 м, диаметр — 5—6 м (рис. 2). На могильнике прослежена постепенная замена языческого обряда захоронения трупосожжения на телоположение. Самый ранним в могильнике был курган №2, в котором исследованы остатки сожженной камеры-сруба (2,8 × 2,2 м), ориентированной по сторонам света. Ее деревянные конструкции соединялись между собой большими гвоздями-костылями. Внутри находился вытянутый на спине скелет, ориентированный головой на запад. Возле него найдено S-образное кольцо.

В трех курганах прослежены захоронения на уровне древней поверхности. Здесь скелеты западной ориентации лежали также в вытянутом положении. В могиле прослежена пепельно-угольная подсыпка.

В последнем кургане погребение совершенно по христианскому обряду телоположения в могильной яме размерами 1,8 × 0,7 м, глубиной 0,4 м. В ней скелет, ориентированный головой на запад, лежал в вытянутом положении. В засыпке ямы обнаружены фрагменты гончарной керамики первой половины XII в.

Вышеупомянутый могильник относится к периоду огосударствления киевским кня-

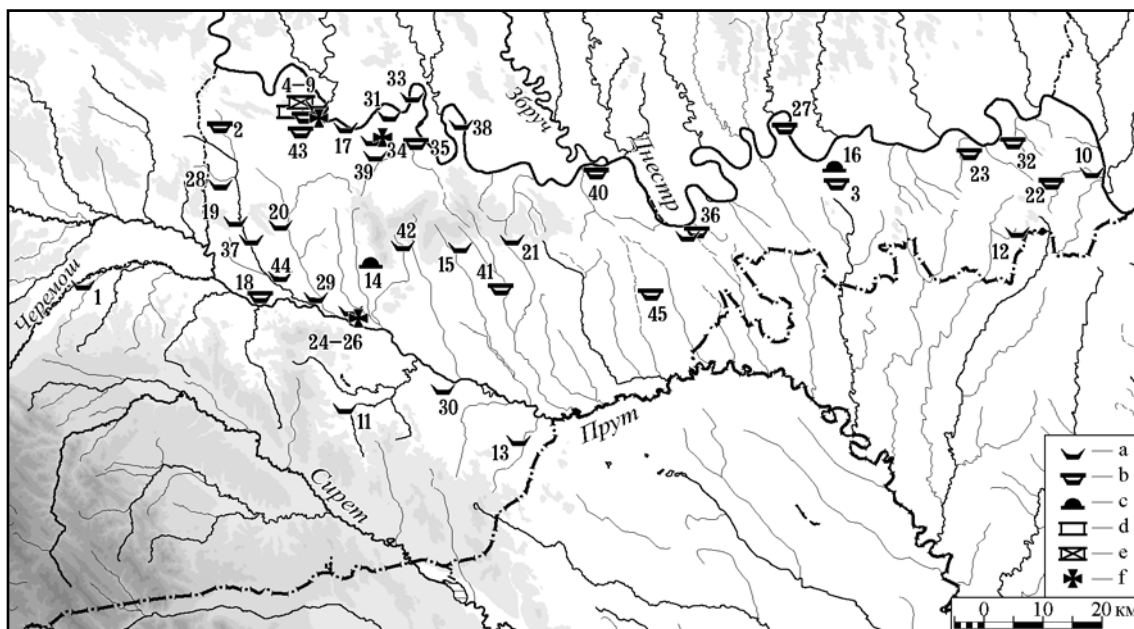

Рис. 1. Карта размещения могильников X—XIV вв. 1 — Банилов; 2 — Боровцы; 3 — Бузовица; 4—9 — Васильев; 10 — Василевка; 11 — Великий Кучуров; 12 — Гвоздовцы; 13 — Герца; 14 — Горишние Шеровцы; 15 — Грозинцы; 16 — Днестровка; 17 — Дорошовцы; 18 — Дубовцы; 19 — Иванковцы; 20 — Кицмань; 21 — Клишковцы; 22 — Коболчин; 23 — Кулишевка; 24—26 — Ленковцы на Пруте; 27 — Макаровка; 28 — Малаятинцы; 29 — Мамаевцы; 30 — Маморница; 31 — Митков; 32 — Михалково; 33 — Мусоровка; 34 — Окно; 35 — Онут; 36 — Оселевка; 37 — Ошихлебы; 38 — Перебыковцы; 39 — Погореловка; 40 — Пригородок; 41 — Санковцы; 42 — Черновка; 43 — Чуньков; 44 — Шипинцы; 45 — Яровка (а — грунтовые погребения; б — подплитные погребения; в — курганные погребения; г — погребения в саркофагах; е — погребения в костницах; ф — церкви).

Fig. 1. Map of the location of the burial grounds of the 10th—14th centuries. 1 — Banilov; 2 — Borovtsy; 3 — Buzovitsa; 4—9 — Vasiliev; 10 — Vasilevka; 11 — Velikiy Kuchurov; 12 — Gvozdovtsy; 13 — Hertza; 14 — Gorishni Sherovtsy; 15 — Grozintsy; 16 — Dniestrovka; 17 — Doroshovtsy; 18 — Dubovtsy; 19 — Ivankovtsy; 20 — Kitsman; 21 — Klishkovtsy; 22 — Kobolchin; 23 — Kulishevka; 24—26 — Lenkovtsy on Prut; 27 — Makarovka; 28 — Malyatintsy; 29 — Mamaevtsy; 30 — Mamornitsa; 31 — Mitkov; 32 — Mikhalkovo; 33 — Musorovka; 34 — Okno; 35 — Onut; 36 — Oselevka; 37 — Oshikhleby; 38 — Perebykovtsy; 39 — Pogorelovka; 40 — Prigorodok; 41 — Sankovtsy; 42 — Chernovka; 43 — Chunkov; 44 — Shipintsy; 45 — Yarovka (a — plain burials; b — under-slab burials; c — barrow burials; d — burials in sarcophagi; e — burials in charnel houses; f — churches).

зем Владимиром хорватских земель в конце X в. Великокиевский князь, после разрушения столицы хорватов в Ревно, построил в Горишних Шеровцах крепость-форпост, где находились гарнизон и княжеская администрация. В состав военно-административного центра входили княжеская крепость, поселок-спутник и могильник, на котором в течение конца X — первой половины XII вв. хоронили представителей военной киевской, а позже киевско-волинской дружины и членов их семей (Томенчук 2000: 238). Такая хронология могильника, кроме датированных вещей, согласуется со схемой эволюции погребального обряда, разработанной А. Моцей (Моця 1990: 109). Дружинные курганы этого же хронологического периода с погребениями подобного типа известны по материалам раскопок курганов в Теробовльской, Звенигородской землях, Среднем Поднепровье и т. д. (Моця 1990: 116—117; Томенчук 2006: 80; Janusz 1918: 247—249, 267).

Погребальный обряд как исторический источник может давать представление не только о демографии, социальном строе, мировоззрении, но и об этнической принадлежности населения. Это наглядно иллюстрируют материалы Днестровского курганного могильника (Томенчук 1985: 88—95). Б. Томенчук исследовал два кургана диаметром около 8 м с каменными насыпями, образованными из больших камней, и один курган с земляной насыпью. Здесь обнаружено 13 погребений (8 под каменными насыпями и 5 под земляной). Погребения совершены в больших ямах глубиной 0,8 м, размерами 2,1—2,7 × 1 м, что позволило исследователю предположить наличие в них гробов. Обнаруженный погребальный инвентарь датирует могильник XII — первой половиной XIII вв. (рис. 3).

Что касается этнической принадлежности похороненных, то по антропологическим материалам Днестровского могильника они близки к летто-литовским группам. Именно для

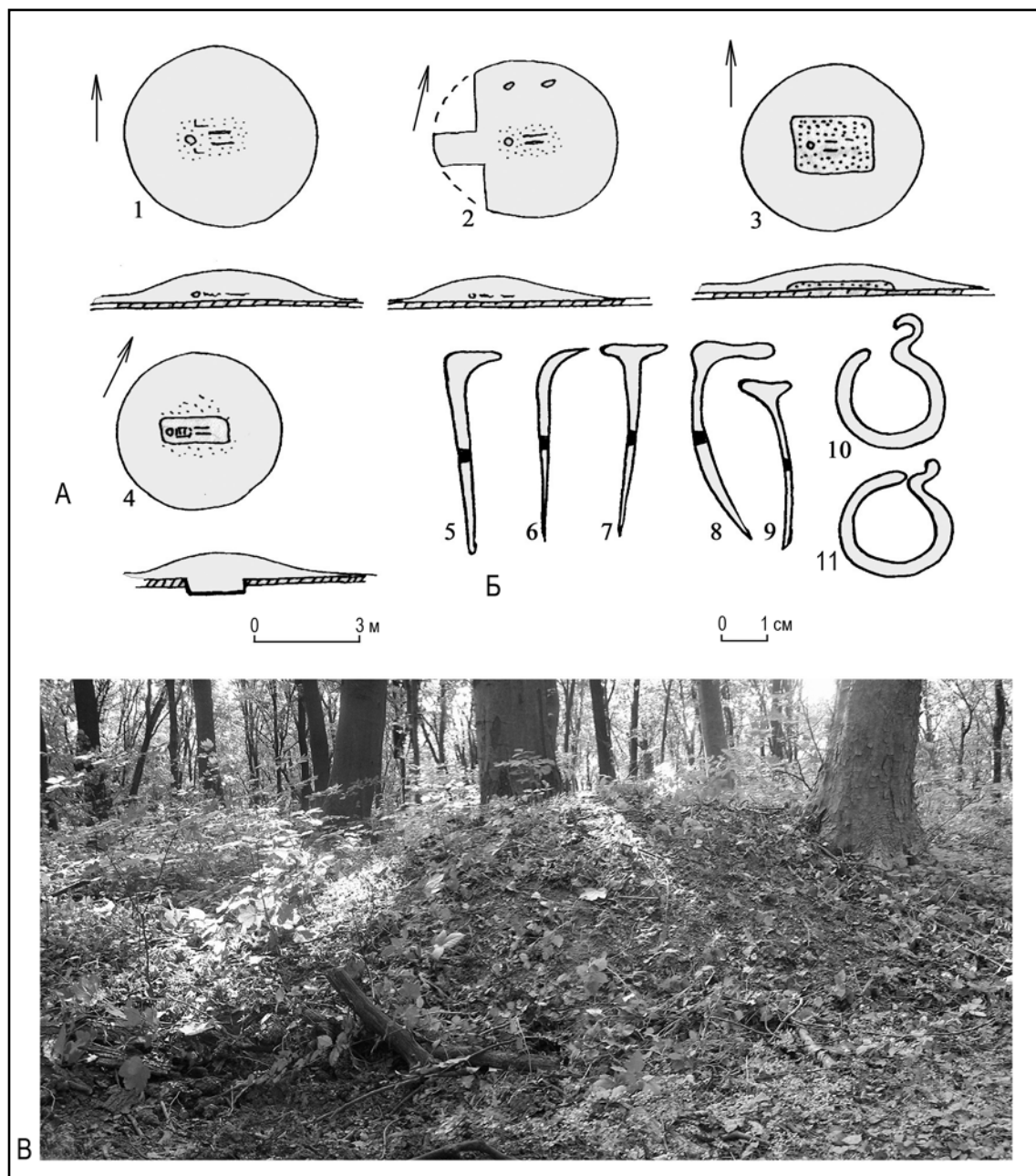

Рис. 2. Планы, профили (А) и находки (Б) из курганного могильника в Горишних Шеровцах. Фото кургана (В) (по Тимошук 1982: 64: рис. 36). Фото автора.

Fig. 2. Plans, profiles (A) and finds (B) from the burial mound in Gorishni Sherovtsy. Photo of the mound (B) (after Тимошук 1982: 64: рис. 36). Photo by the author.

погребального обряда ятвягов были характерны каменные курганы с ингумацией и ориентацией на запад. Их могильники известны в землях древлян, вольнян, дреговичей, Подолье (Маярчак 2018: 266—268; Dzik 2014: 94). Исследователь считает, что могильник с каменными курганами принадлежит небольшой группе ятвягов, которые сюда переселились, или их переселили как «колонников» в результате каких-либо военно-политических обсто-

ятельств (Томенчук 2006: 84—91). Встречены такие курганы в Поросье возле городища в с. Буки. Автор публикации считает, что такой способ захоронения занесен сюда выходцами из западных областей Древнерусского государства (Іванченко 2004: 117). Обряд погребения в подкурганых ямах с каменными обкладками имеет аналогии на Подолье, древлянских землях (Петраускас, Бібіков і ін. 2019: 90—91).

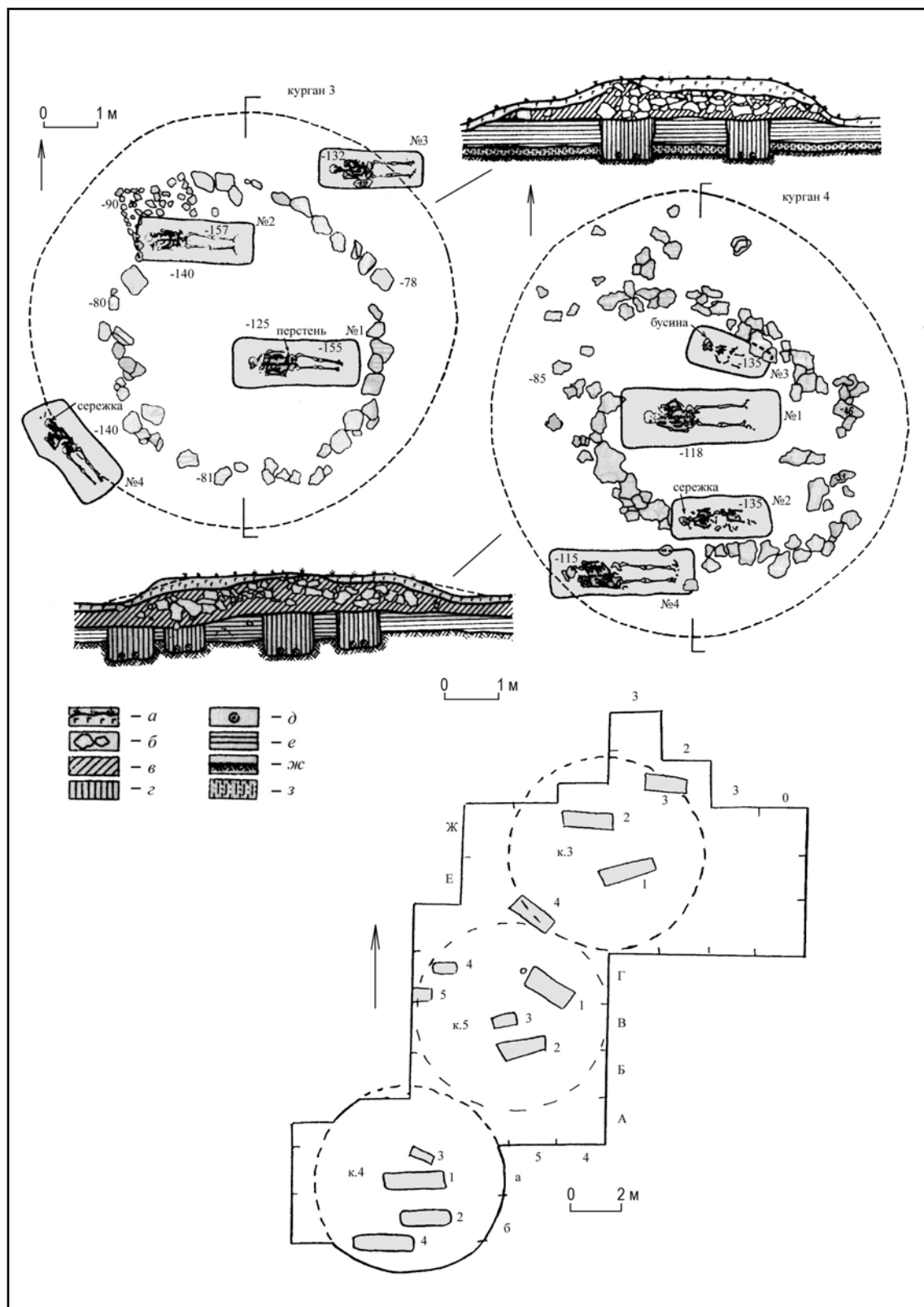

Рис. 3. Планы и профили погребений из Днестровского курганного могильника (по Томенчук 2006: 272—274: рис. 88—90). а — дерн; б — камни; в — земляная засыпка между камнями; г — заполнение могилы; д — кости; е — золиник; з — суглинок с землей; ж — материк.

Fig. 3. Plans and profiles of burials from the Dniester burial mound (after Томенчук 2006: 272—274: рис. 88—90): а — turf; б — stones; в — earthen backfill between stones; г — filling the grave; д — bones; е — ash pan; з — loam with earth; ж — mainland.

Характерной особенностью славянского погребального обряда является наличие простых могильных ям. В двух могильниках они преобладают. Лишь в одном случае в Горишних Шеровцах (курган 2) обнаружена срубная камера. Среди ученых идет спор относительно их скандинавского или славянского происхождения. Большинство склоняется к второму (Моця 1990: 24).

По способу погребения могилы можно разделить на два вида: кремация и ингумация. На исследуемой территории, как уже было отмечено, прослежено только одно телосожжение на месте в кургане 4 Горишнешеровецкого могильника. Такой обряд широко представлен среди славянского населения. Известен он на значительной территории (Томенчук 2006: 79).

В большинстве могил обнаружено труположение: в одном случае на горизонте (Горишние Шеровцы, курган 4) и ниже уровня горизонта (Горишние Шеровцы, курган 5; Днестровка, курганы 3, 4). Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, ориентированные головой на запад, что связывается с весенней и осенней порой захоронения. Есть также сезонные отличия. На Днестровском могильнике встречается ориентация погребенных в северо-западном и юго-западном направлениях, в соответствии с летним и зимним сезонами отклонения солнца. В таком направлении при совершении погребения ориентировались в древности (Генинг 1985: 139—140). Западная ориентация умершего распространилась среди многих народов, начиная с эпохи раннежелезного века. Согласно с религиозными верованиями, души умерших отходили в потусторонний мир, находившийся на закате солнца (Тереножкин 1976: 102).

Погребения сопровождалась заупокойным инвентарем. Наиболее массовыми находками являются украшения. Так, в Горишних Шеровцах в кургане 4 обнаружены S-образные кольца, а на Днестровском могильнике в женских захоронениях каменных курганов — височные кольца с заходящими друг за друга или сходящимися концами, перстень и стеклянные бусины. В грунтовом — серебряные перстневые кольца, височное бронзовое кольцо и трехбусинная серьга «киевского типа» (Томенчук 2006: 87). Обнаруженные украшения служат хронологическим ориентиром функционирования этих погребальных памятников.

Однако большинство захоронений в могильнике Горишних Шеровцов — безынвентарны. Как отмечал А. Моця: «Безынвентар-

ность захоронений отличает погребальный обряд славянского населения в целом от других этносов, кроме могил представителей высших социальных слоев населения» (Моця 1990: 33).

Отмечаются и некоторые особенности подкурганых погребений. Так, в Днестровском могильнике прослежены «каменная подушка» под головой (курган 4 погребение №3) и большой надгробный камень, поставленный на краю ямы, у изголовья захоронения №1 грунтового кургана.

Таким образом, по всей видимости, подкурганый обряд погребений отражал различные стороны идеологических представлений местного населения, его социальный статус и этническую принадлежность.

На исследуемой территории подкурганый ритуал погребений полностью подтверждает схему А. Спицына о двух стадиях в развитии подкурганного обряда ингумации: сначала на уровне древнего горизонта, а впоследствии в подкурганной яме (Спицын 1905: 99). Эти этапы эволюции зафиксированы в разных регионах расселения славян. Ямный обряд погребений появился под влиянием христианской религии, по канонам которой умершего до начала «Страшного суда» необходимо хоронить именно под землю, а не на ее поверхности. Обряд ингумации, на уровне древнего горизонта, в большинстве случаев использовался на Руси в X—XI вв., а в подкурганной яме — в XII—XIII вв. Два обряда могли сосуществовать в течение 50—80 лет (Моця 1990: 54). Аналогичные процессы засвидетельствованы и на изучаемой территории.

Грунтовые могильники

Обряд грунтовых погребений начали использовать русичи после официального введения христианства. Исключение составляет территория северной части Буковины, где курганый обряд не являлся основным. Население летописной Галицкой земли в течение I — начала II тыс. продолжало соблюдать в основном каноны бескурганного обряда захоронения, как и их соседи — потомки летописных тиверцев и уличей. Данные о погребальном обряде местного населения дают грунтовые могильники, исследованные как широкими площадями (Васильев (50 погребений), Окно (5), Ленковцы на Днестре (8), Ленковцы на Пруте (35), Черновка (31)), так и отдельные погребения (Малятинцы, Мамаевцы, Митков (по 3), Маморница, Ошихлебы, Перебыковцы (по 1)) и т. д.

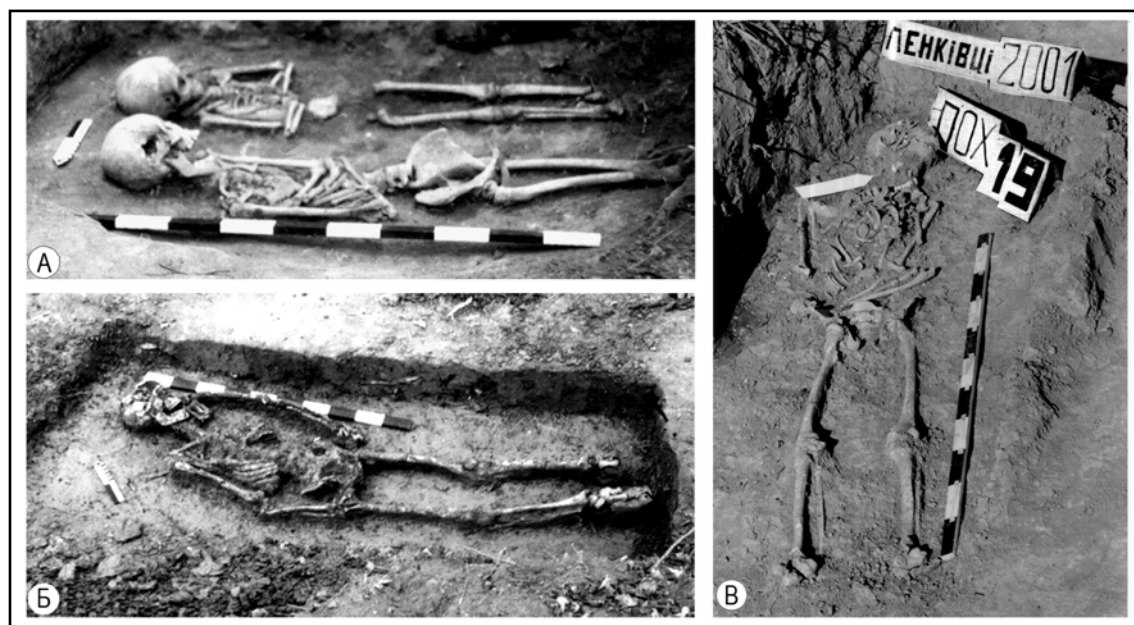

Рис. 4. Одиночные и парные погребения на грунтовых некрополях: Черновка (А, Б); Ленковцы на Пруте (В). Фото автора.

Fig. 4. Single and paired burials in unpaved necropolises: Chernovka (A, B); Lenkovtsy on Prut (B). Photo by the author.

По месту погребения и богатству инвентаря на исследуемой территории выделяются городские и сельские могильники, а по способу захоронения — грунтовые, подплитные, в каменных саркофагах и костницах. Общее количество исследованных могил составляет 205. Из них 161 погребение сделано в простых грунтовых ямах (78,5% от общего количества) глубиной около 0,5—1 м, часто 0,2—0,3 м от древней поверхности, шириной 1 м (в парных захоронениях она составляла 1,5—2 м), длиной около 2 м. По подсчетам А. Моци, на южно-русских землях грунтовые погребения зафиксированы в 85% случаев (Моця 1990: 54). Приблизительно аналогичные размеры погребальных ям широко известны на многих древнерусских памятниках. В них хоронили людей, замотанных в саваны, и засыпали землей. На отдельных могильниках, исследованных широкими площадями, прослежена четкая планировочная структура. Например, в Ленковцах на Пруте могилы размещались по линии юг-север, что является существенным признаком христианских кладбищ. Расстояние между отдельными рядами составляло 0,8—1 м, а между могилами 0,5—1 м (Возний 2009: 359). На открытой площади зафиксировано 5 рядов могил (рис. 4). Аналогичные расстояния на кладбищах зафиксированы и на других территориях Древнерусского государства (Томенчук 2006: 56; Петрашенко 2005: 46; Шекун, Веремейчик 1999: 43).

Подплитные погребения

Одной из особенностей погребального обряда населения северной части Буковины является использование в грунтовых могилах больших каменных плит, перекрывающих гробницу. Это так называемые подплитные захоронения, исследованные в 19 случаях, что составило 9,3% всех известных (Боровца, Васильев, Дубовцы, Коболчин, Кулишевка, Макаровка, Онут, Оселовка, Санковцы, Чуньков, Яровка) (Возний 2009: 361; Пивоваров 2006: 161). Ясно, что в древности их было больше, поскольку во время пахоты каменные плиты часто выкапывали и выносили за пределы могильника или использовали при строительстве. Плиты изготовлены из местного известняка или песчаника (рис. 5). Например, в летописном Васильеве яму размерами 2,1×0,9 м, глубиной 0,6 м прикрывала каменная плита с гладко стесанными верхней и боковыми поверхностями (Тимощук 1982: 160). На плитах могли быть вырезаны различные знаки. Так, на могильнике в Боровцах обнаружено около 10 каменных плит. Одна из них, овальной формы, размерами 1,65×0,8×0,3 м, изготовлена из днепровского известняка. Один конец ее тупой, другой заостренный. На плите вырезаны изображения в виде ямок и крестообразных линий (Луцик 2020: 506) (рис. 6). Полных аналогий этим плитам не обнаружено. Похожие символы известны в Поднестровье, Крыму,

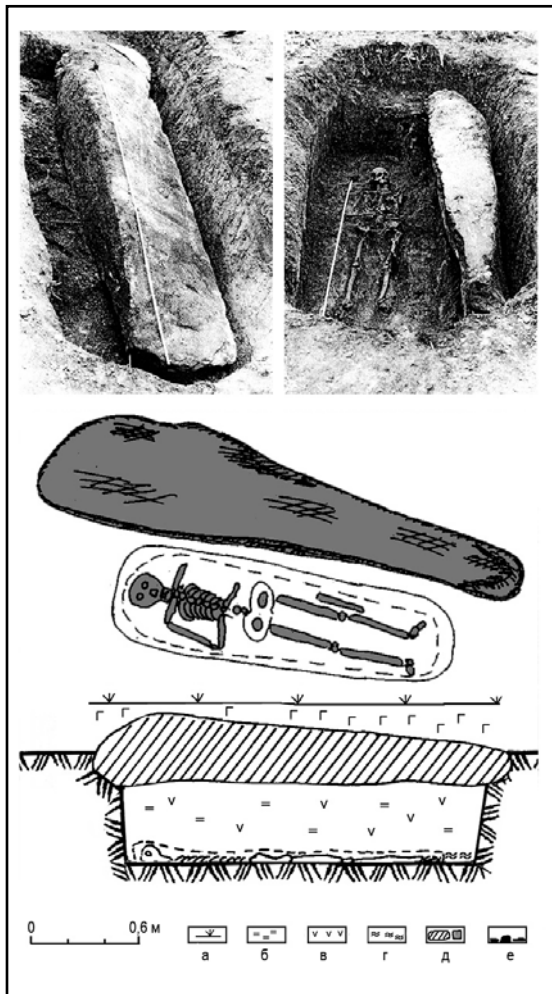

Рис. 5. Подплитное погребение из с. Онут (по Пивоваров 2006: 161). а — гумус; б — обожженная земля; в — угли; г — трухлявое дерево; д — каменная плита; е — кости скелета.

Fig. 5. Under-slab burial from the village. Onut (after Пивоваров 2006: 161). а — humus; б — burnt earth; в — coals; г — rotten tree; д — stone slab; е — bones of the skeleton.

на других территориях древней Руси (Януш 1907: 125—128).

В отличие от обычных грунтовых погребений, подплитные захоронения в большинстве случаев совершены в деревянных гробах. Их остатки, например, обнаружены в Васильеве, Онуте, Перебыковцах и т. д. (Тимощук 1982: 160, 182; Пивоваров 2020: 82—91). Подплитные погребения могли составлять как отдельные могильники, так и общие некрополи с грунтовыми захоронениями. Некрополи с подплитными погребениями широко представлены на территории Галицкой земли (Луцкич 2020: 494—533). Необходимо отметить, что использование камня при захоронениях зафиксировано в конце I — начале II тыс.

и на сопредельных территориях — в Болгарии, Румынии, Польше (Вьжарова 1973: 241; Kalaga 2014: 136; Ginalski, Kotowicz 2019: 130, 135; Rădulescu, Harțuchi 1967: 111—117).

Существуют разные мнения о происхождении подплитных грунтовых захоронений и их этнической принадлежности. Так, А. Ратич, М. Гануляк и др. считают подплитные захоронения могилами знати (Ратич 1976: 176; Hanuliak 1979: 184). Им аргументированно возражает В. Аулих, утверждая, что есть богатые захоронения и в простых грунтовых могильниках. Если бы разница в могильниках касалась социального фактора, то сочетание обоих типов в одном могильнике было бы невозможным (Аулих 1990: 154). М. Мишкевич доказывает, что использование плит является средством укрепления могильных ям, постепенно переросшим в традицию (Miśkiewicz 1969: 241—300).

Применительно к этнической принадлежности Е. Тимофеев считает подплитные захоронения только хорватскими (Тимофеев 1961: 69). Его поддерживает А. Моця, считающий, что подплитные погребения оставлены автохтонной популяцией и являются пережитками, языческим элементом конструкции, по которому можно разграничивать христианские и языческие погребения (Моця 1990: 31). Б. Томенчук высказывает мнение о принадлежности подплитных погребений поздним хорватам-галичанам (Томенчук 2006: 110). При этом он отмечает, что появление подплитных захоронений не языческие пережитки, а результат эволюции погребального обряда. Б. Тимощук и В. Войнаровский считают, что некрополи с подплитными захоронениями принадлежат тиверцам (Тимощук 1969: 56; Войнаровский 1992: 42). Последний предполагает, что тиверцы, расселившись между хорватами, таким образом хотели отделить свои могилы от автохтонных. По мнению исследователя, с обрядом погребения под плитами тиверцы могли познакомиться, когда находились в причерноморских степях, где камень с античных времен широко использовался как при сооружении жилых и хозяйственных построек, так и в погребальном обряде (Войнаровский 1992: 43). Кроме того, в результате противостояния «иконоборцев» и «иконопочитателей» в Византии, часть монахов-иконоборцев переселилась в Крым, где тиверцы и могли познакомиться с этим обрядом захоронений (Баранов 1990: 106—108). В. Седов отождествляет их с хорвато-тиверскими древностями и предполагает, что они были принесены на терри-

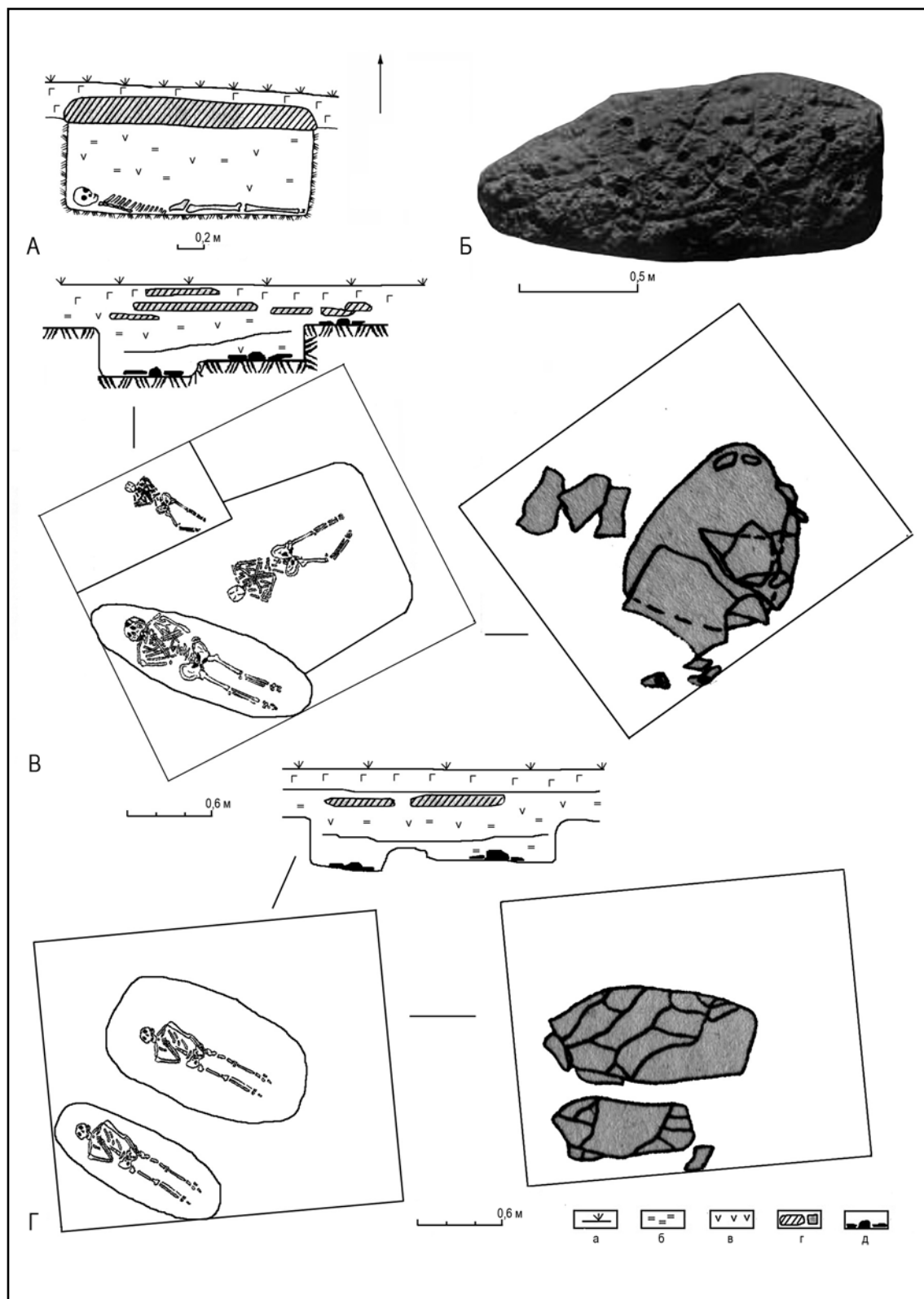

Рис. 6. Подплитные погребения: А — летописный Васильев (по Тимошук 1982: 152, рис. 91: 2); Б — плита со знаками из Боровцов (по Луцк 2020: рис. 5); В—Г — Боровцы (по Войнаровский 1992: рис. 1; 2) (а — гумус; б — пережженная земля; в — уголь; г — каменные плиты; д — кости скелета).

Fig. 6. Under-slab burials: А — chronicle Vasiliev (after Тимошук 1982: 152, рис. 91: 2); Б — slab with signs from Borovtsy (after Луцк 2020: fig. 5); В—Г — Borovtsy (after Войнаровский 1992: рис. 1; 2) (а — humus; б — scorched earth; в — coal; г — stone slabs; д — bones of the skeleton).

торию хорватов тиверцами, под натиском кочевников переселившимися сюда из южного Поднестровья (Седов 1982: 128).

В последнее время появилась еще одна гипотеза, согласно которой появление подплитных захоронений следует увязывать с христианизацией местного населения выходцами из византийских провинций (Пивоваров 2020: 88—91). Тогда возникает вопрос, почему такая форма погребений наиболее распространена в ограниченном регионе — Галицкой Руси. Неужели на других территориях, в том числе и в Киеве, куда больше всего могло попасть «попов корсунских», духовенства из Болгарии, этот обряд не прижился. Всегда что-то новое приивается среди простолудинов, если идет от них самих, а не насаждается княжеской или иной властью сверху.

По нашему мнению, следует считать подплитные захоронения оставленными хорватотиверским населением (Возный 2009: 365).

Погребения в саркофагах

Камни использовали и при создании погребальных сооружений для умерших представителей городской феодальной знати и высшего духовенства. Их хоронили в каменных саркофагах. В летописном Васильеве обнаружено 18 таких ингумаций (5 в белокаменном храме, 12 возле храма, 1 на территории феодального замка в ур. Хом) (Тимошук 1982: 158—161; Томенчук 2006: 100—101). Как правило, саркофаги изготовлялись из местного камня-сланца или песчаника. Это прямоугольные ящики длиной 1,2—2,3 м, шириной 0,5—0,85 м, высотой без крышки 0,4—0,5 м, сужающиеся в одну сторону. Сверху они покрывались каменной плоской крышкой (саркофаг №6, 15) или в форме крыши с гребнем посередине (саркофаг №8, 12) (рис. 7). Каменные гробницы вкапывались в землю с таким расчетом, что их крыши выступали на поверхности земли. Это давало возможность использовать их как семейно-родственные усыпальницы. В саркофагах хоронили по христианскому обряду. Покойников клали на спину, головой к западу, с руками, сложенными на животе или на груди. В одной гробнице могло находиться несколько погребенных. При этом кости предыдущего покойника сдвигали в сторону. Свидетельством того, что саркофаги были семейными усыпальницами, может свидетельствовать то, что из 12 раскопанных гробниц в четырех было по одному погребенному, в трёх — по два, в двух — по три и в одном — четыре погребения.

В саркофаге №12 вырублено специальное возвышение высотой 5 см для головы покойного (рис. 7: 1). Самым древним среди этих погребальных памятников является саркофаг №3, сложенный из отдельных плит и вмурованный в ленточный фундамент храма (рис. 7: 2). На крышке саркофага №10 нанесены «вавилон» и несколько знаков «Рюриковичей» (рис. 7: 5). Б. Тимошук считает их родовыми знаками тербовольского князя Василия Ростиславовича, а «вавилон» как символ земческой мудрости свидетельствует о том, что здесь похоронен архитектор, руководивший сооружением храма (Тимошук 1969: 91—92). С. Пивоваров и И. Чеховский, проанализировав надписи на крышке саркофага, высказали предположение, что здесь похоронен последний князь тербовольский и первый галицкий — Игорь Иван Василькович (Пивоваров, Чеховский 1992: 116—122).

По всей видимости, саркофаги, обнаруженные в летописном Васильеве, были двух видов. К первому, более раннему, относятся саркофаги, сложенные из отдельных плит. Аналогичные погребальные монументы известны, например, в Галиче (Томенчук 2006: 57). Конструктивно они не отличаются от исследованных в Киеве, Переяславе-Хмельницком, Чернигове и т. д., где датируются XI в. (Моця 1990: 57—58). Очевидно, этот обряд погребения богатых людей был занесен на изучаемую территорию из Киева вместе с дружинами Владимира Великого.

Ко второму виду относятся саркофаги в виде ящика, высеченного из глыбы известняка. Сверху он накрывался каменной плитой. Характерной чертой таких саркофагов являются неглубокие торцевые внешние ниши. Очевидно, это остатки традиции сложенных саркофагов, в пазы боковых стенок которых вставлялись поперечные стенки (рис. 7: 4). Похожие саркофаги широко представлены в Галицкой земле, Новгороде, Смоленске, Звенигороде на Белке и т. д. (Томенчук 2006: 38, 40; Ратич 1976: 176).

Появление погребений в саркофагах В. Войнаровский считает усложненной разновидностью традиции подплитной ингумации и объединяет эти два типа погребений южное происхождение (Войнаровский 1992: 45).

Погребения в костницах

На территории северной части Буковины исследовано несколько костниц (Васильев (6), Окно (1)). Они встречаются двух типов. Так, костница длиной 0,6 м, шириной 0,5 м,

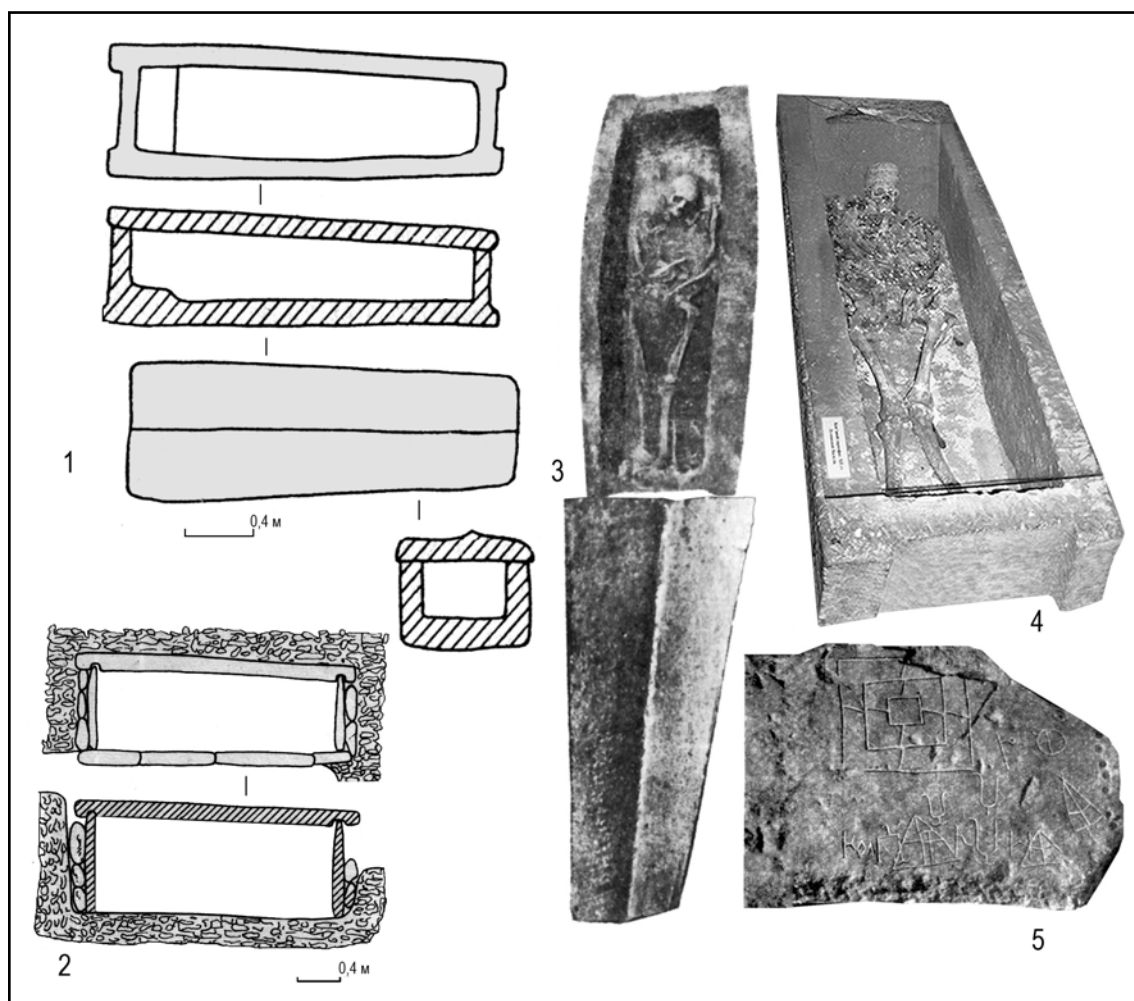

Рис. 7. Погребения в саркофагах 12 (1), 3 (2), 8 (3), 10 (4) из летописного Васильева, каменная плита саркофага №10 (5). 1—3, 5 — по Тимошук 1982: 147, рис. 85; 3; 148, рис. 86; 90: 1; 4 — фото автора (экспозиция Черновицкого областного краеведческого музея).

Fig. 7. Burials in sarcophagi 12 (1), 3 (2), 8 (3), 10 (4) from Vasiliev chronicle, stone slab of sarcophagus No. 10 (5). 1—3, 5 — after Тимошук 1982: 147, рис. 85; 3; 148, рис. 86; 90: 1; 4 — photo of the author (exposition of the Chernivtsi Regional Museum of Local Lore).

глубиной 0,4 м, обнаруженная в центре храма в с. Окно, состояла из отдельных необработанных плит песчаника (рис. 8). Сверху она была перекрыта плитой. Дном гробницы служила земля. Внутри без анатомического порядка находились останки двух погребенных. В Васильеве, в центре храма, прослежена иная конструкция костниц. Они вытесаны из песчаника в виде ящика, где боковая стенка вставлялась в специально вырубленные пазы в продольных стенках, что может свидетельствовать об их частом использовании. Внутри забрасывали раствор извести. Здесь также обнаружены останки нескольких погребенных. По всей видимости, костницы отличались от саркофагов размерами. Они меньше длины тела взрослого человека. Следовательно, в них не хоронили, а вкладывали кости, бывшие,

возможно, предметом поклонения. Это византийский ритуал сохранения костей погибших. Направляя Антония на Русь, афонский игумен давал наставления ему распространять на новых территориях идеи афонской жизни: «иди в Русь шпать и будь благословение шт Святыя Горы и рече ему ако шт тебе мнозы ченці бытии» (Лаврентьевская летопись 2001: 156). Этот Афонский обряд заключался в том, что греки через три года после погребения вынимали из земли кости и перезахоранивали в специальном помещении — кимитрии или усыпальнице. Очевидно, захоронения в костницах оставили выходцы из Византии, ортодоксальные священнослужители. Такой обряд прослежен на территории древней Руси только в пещерах Киево-Печерского монастыря и в Чернигове (Моця 1990: 58).

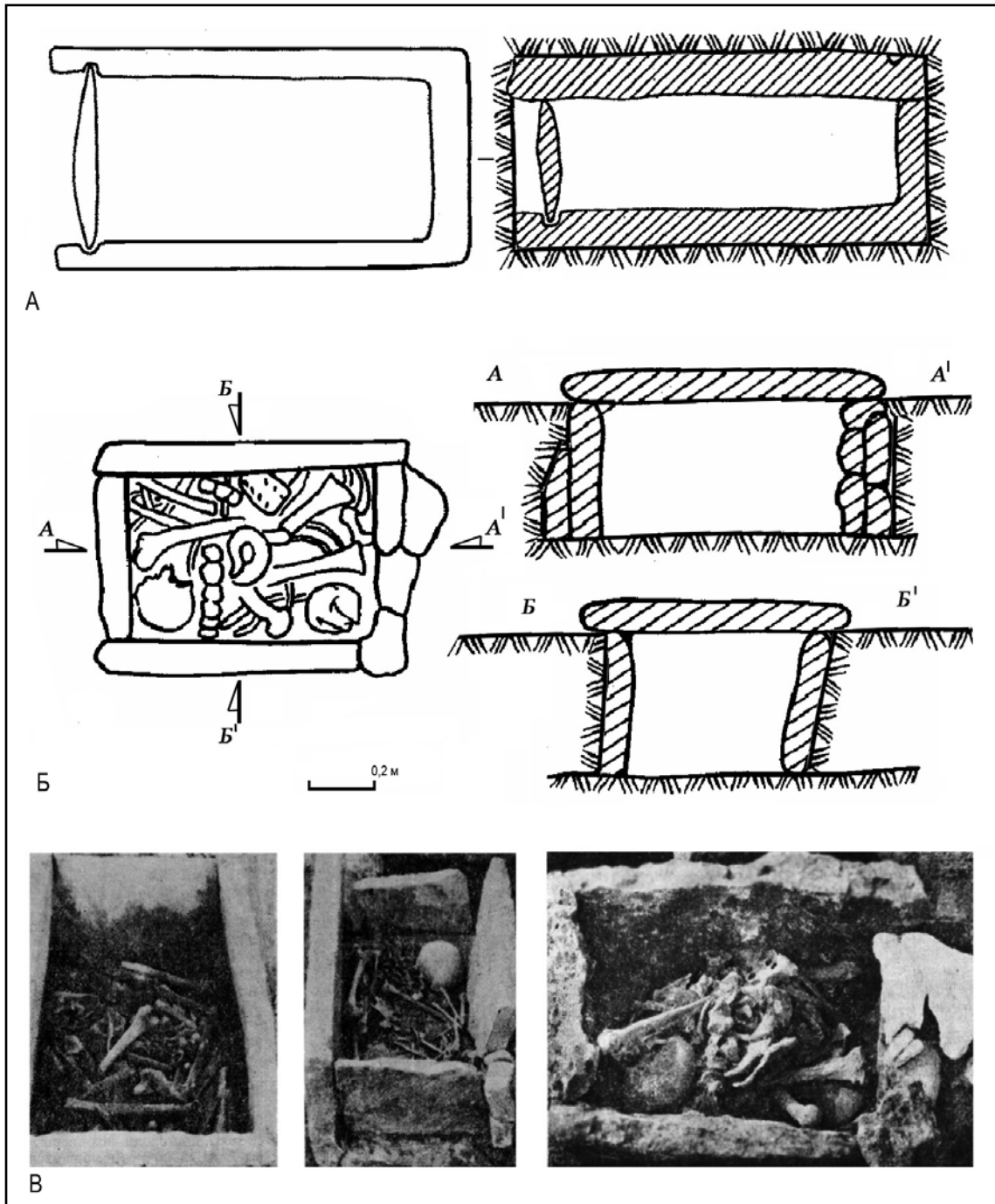

Рис. 8. Погребения в каменных костницах: А, В — летописный Васильев; Б — Окно, ур. Мартыновка (по Тимошук 1982: 141, рис. 79: 2; 85: 3; 149, рис. 87).

Fig. 8. Burials in chanel houses: А, В — chronicle Vasiliev; Б — Окно, ur. Martynovka (after Тимошук 1982: 141, рис. 79: 2; 85: 3; 149, рис. 87).

Погребения в каменных кромлехах

К грунтовым ингумациям следует отнести так называемые семейные погребения, обнаруженные на территории посада летописного Васильева и в Боровцах. В Васильеве Б. Тимо-

шук исследовал погребения в четырех каменных изгородях. Так, кромлех №4 содержал погребения мужчины, женщины и четырех детей, совершенные в дубовых гробах (рис. 9). Головой они ориентированы на запад и размещены в ряд по линии юг-север. У покойников обнаружены разнообразные драгоценные

№6. 2022

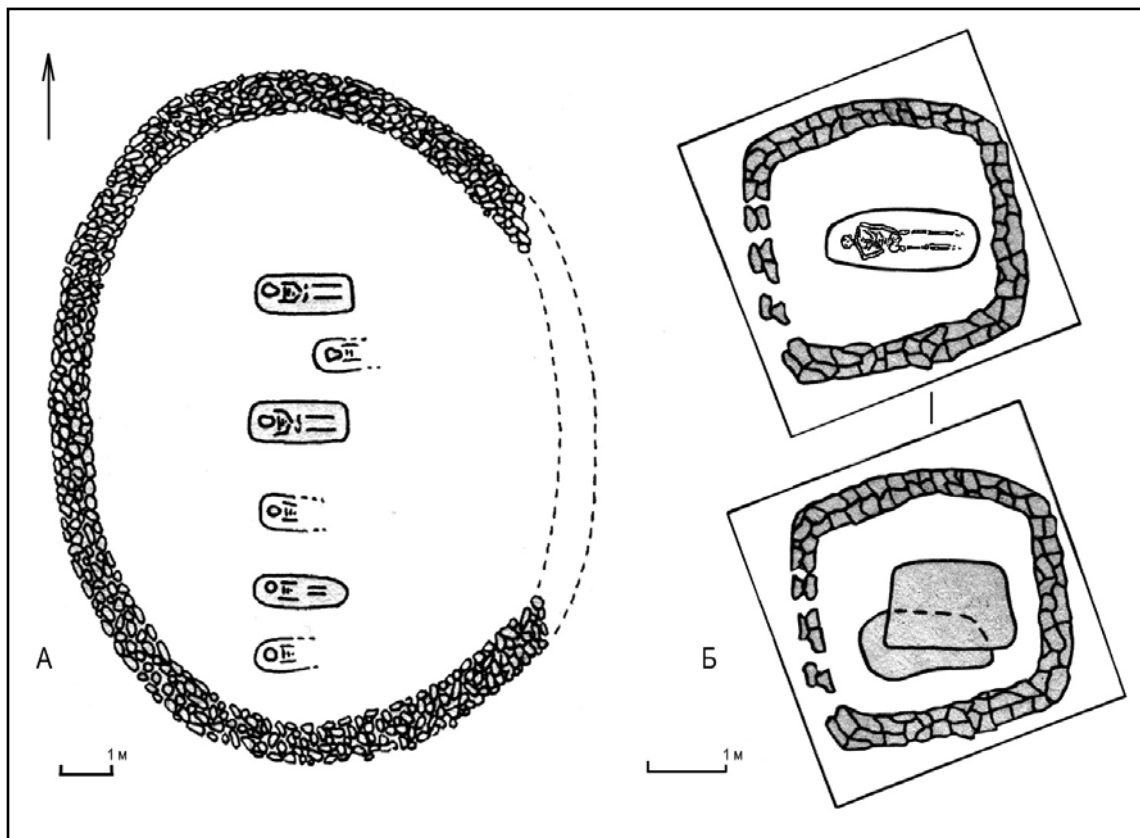

Рис. 9. Погребения в каменных кромлехах: А — летописный Васильев (по Тимощук 1982: 152, рис. 91, 1); Б — Боровцы (по Войнаровский 1992: рис. 1; 2).

Fig. 9. Burials in stone circles: A — chronicle Vasiliev (after Тимощук 1982: 152, рис. 91, 1); Б — Borovtsy (after Войнаровский 1992: рис. 1; 2).

украшения. Само погребение было обнесено каменными кругами-кромлехами диаметром 6—12 м при ширине до 1 м (Тимощук 1982: 147). Рядом с могильником обнаружено несколько ритуальных ям. Диаметр одной составлял 1 м, глубина 0,6 м. Дно выстлано мелкими камнями, на которых лежали остатки тризны в виде овечьих костей и фрагментов битой посуды. В другой, диаметром 2 м, дно было покрыто слоем мелких глиняных черепков, на которых лежали кости животных.

В Боровцах В. Войнаровским исследовано 1 подплитное погребение подростка, лежавшего на спине в вытянутом положении ориентированного головой на запад. Могила перекрыта двумя плитами днестровского известняка (Войнаровский 1992: 36). Вокруг размещалось каменное кольцо-кромлех подпрямоугольной формы размерами 3,2×3 м, шириной 0,5—0,6 м, сложенное из плоского камня. По находкам в могиле автор датирует ее XI — началом XII вв. Такого типа погребальные конструкции исследовались и в других местах Галицкой Руси (Населення Прикарпаття 1976: 176).

Существует несколько взглядов на появление такого обряда ингумации на исследуемой территории, поскольку здесь он встречен только на двух поселениях. Одни ученые связывают погребения в каменных кромлехах с развитием привычного славянского кургана с земляным ровиком вокруг (Седов 1982: 64; Тимощук 1992: 9—10). Существует мнение, что они принадлежат социальной верхушке галицкого общества (Аулих 1990: 155). Другие отождествляют их с потомками кочевников, вовлеченных в X—XI вв. в орбиту тивверского переселения на север (Войнаровский 1992: 43—44). Б. Томенчук считает, что эта группа погребальных памятников принадлежит ятвягам, речь о которых шла выше при описании днестровского курганного могильника (Томенчук 2006: 90). Известно, что «каменные могилы» существовали у ятвягов с XI—XVI вв. (Финно-угры 1987: 414). По мнению исследователя, в Галицкой земле «каменные кромлехи» в процессе эволюции погребального обряда приходят на смену «каменным курганам». Из приведенных теорий возникает один вопрос. Из летописей из-

вестно, что активные военные стычки между галицко-волынскими князьями и ятвягами происходили с конца XII и довольно часто в XIII в. Так, под 1248 г. в летописи записано: «Воеваша ятвязѣ около Охожѣ и Бусовна, всю страну ту плѣниша», в 1256 г. Даниил Романович с сыном Львом во время битвы с ятвягами «изоима колодники.... наоутрѣю же прихаша втвѣзѣ дающее таль и мирь молощесѣ дабы не избилъ колодниковъ» (Ипатьевская летопись 2001: 834—835). То есть, именно в это время в качестве «колодников» они могли появиться на южной окраине Галицко-Волынского княжества. Если отнести Васильевский и Боровецкий могильники к XI—XII ст., то хронологически они более ранние, чем появление ятвягов в Пруто-Днестровском междуречье. Очевидно, следует согласиться с мнением В. Войнаровского о кочевническом следе в «каменных кромлехах».

Одно из наиболее загадочных и интересных явлений, имеющее достаточно длительную и сложную традицию, — погребальная обрядность славян. Ее эволюция отражает мировоззренческие представления наших предков, уходящие своими корнями в эпоху первобытного общества. Значительное количество этих традиций забыто и навсегда утрачено, поэтому воспроизвести их практически невозможно. Но, несмотря на все, отдельные языческие реминисценции еще долго сопровождали христианские погребальные обряды. Это объясняется тем, что славяне обычно не стремились проникнуть в сущность христианства.

Более чем в 40 случаях в грунтовых погребениях обнаружены «каменные подушки» из плоских небольших камней или поливных плиток. Они были поставлены под голову или голову и ступни ног. В основном, «подушки» встречены на могильниках в Васильеве ур. Замчище (22), Ленковцах на Пруте (12) и в отдельных погребениях возле белокаменного храма Васильева (Тимошук 1982: 159—161; Томенчук 2006: 98—99; Возный 2009: 371). Встречена такая «подушка» и в саркофаге №15, а в №12 на дне было сделано специальное возвышение для головы. «Каменные подушки» в могилах ученые связывают с погребениями монахов, признаком распространения византийского типа христианства и среди церковного клира этнических греков (Моця 1990: 71). Твердые подушки под головой согласовывались с представлениями об искуплении монахов-аскетов. Они упоминаются и в агиографической литературе, в частности, в житии Нифонта, епископа Констанции — «камень подложѣ под голову си», житии Ав-

раамия Смоленского, где упоминается «постеля жестка» (Житие 1997: 21).

Отдельные женские погребения, встречающиеся среди монашеских захоронений, можно объяснить тем, что монастырское кладбище могло использоваться представителями богатых семейств-ктиторов. Такие захоронения встречаются с XII в. К тому же, согласно Студийскому уставу отмечалось: «яко же погребати никого же въ монастыри» (Бълхова 2002: 35). То есть, Устав жестко устанавливал запрет на погребение в пределах обители не только монахов, но и тех, кто жаловал монастырю деньги или земельные владения. Только после общего совета игумена и монахов Киево-Печерской лавры в 1091 г. о перенесении мощей преподобного Феодосия на территорию монастыря были нарушены статьи Студийского Устава. «Игумень и черноризци свѣтъ створше рѣша не добро есть лежати втцю нашему Феодосьеви кромѣ монастырѣ.... и свѣтъ створше повелѣша оустроити мѣсто їдеже положити мощи» (Ипатьевская летопись 2001: 200—202). При этом наблюдается значительное социальное разнообразие лиц, получивших разрешение на похороны на территории обители. Уже с XII в. и позже, к середине XIV в., в монастырях хоронили не только игуменов, церковных иерархов, но и светских лиц (Бълхова 2002: 36). Говоря о погребениях с «каменными подушками», необходимо помнить, что этот обычай как признак праведности на Руси мог использоваться и другими социальными слоями общества, особенно перед смертью. Известны случаи пострига, с целью покаяния и очищения от земных грехов (Моця 1995: 747). Так, в Киево-Печерскую лавру принимали выходцев из простого народа (Феодосий), купцов (Исаакий Пещерник), боярства (Варлаам сын боярина Иоанна), князей (черниговский князь Святоша). Среди монахов упоминаются половцы, угры, варяги, греки (Бълхова 2002: 37).

Наличие значительной группы погребений с «каменными подушками» на вышеназванных могильниках, очевидно, можно связать с монастырями, находившимися на посаде летописного Васильева и древних Черновцов, а фрагменты поливных плиток, встреченных в обоих случаях — от покрытия пола монастырской церкви, находившейся неподалеку. В Васильеве культовое сооружение исследовано Б. Томенчуком, а в Ленковцах на Пруте на раскопанной площади, из-за сильного разрушения культурного слоя пахотой, пока его следы проследить не удалось. Обнаруженные

«каменные подушки» в отдельных могилах и саркофагах в Васильеве, очевидно, можно связать с погребениями духовных лиц. Погребения с «каменными подушками» известны и в других некрополях древней Руси (Маярчук 2018: 283; Макаров 1981: 111).

Большинство погребений одиночные, что составляло 88 % от общего количества, и 12 % составляют парные захоронения (обнаружены в Черновке), встречаются 3 и 4 погребенных в саркофагах (Васильев).

Все погребения в могилах совершены по христианскому обряду. Покойники лежали вытянуто на спине, ноги уложены параллельно. Положение рук разное: чаще всего встречаются скрещенные на груди. Так, на Черновском городище они составляли 48 % (такое положение, как считают, связано с христианскими канонами), обе руки вытянуты вдоль тела 8 %; одна на груди, вторая вытянута вдоль тела 4 %; одна на тазу, вторая на груди 4 %; одна на тазу, вторая вдоль тела 4 %. В восьми случаях положение рук не удалось установить (Возний 2009: 372). Такому положению рук пока в науке четкого объяснения нет. Как считает В. Петрашенко, положение рук имело ритуальное значение. Возможно, позиция рук отображала возраст или семейное положение. Не исключено, что оно связано с родом занятий или социальным статусом погребенного (Петрашенко 2005: 48). К сожалению, в публикациях об ингумациях на исследуемой территории положение рук не указывается. Отмечена любопытная деталь. На монастырских могильниках в Ленковцах на Пруте (37 %) и Васильеве заметно преобладание положения рук на животе. Аналогичное расположение рук известно в погребениях с каменными подушками на Городницком кладбище, в Галиче возле церкви Спаса, св. Кирилла и Мефодия, с Питрич, ур Гора-монастырь, Олешкове (Томенчук 2006: 36, 49, 97). Возможно, такое положение рук присуще только монахам. Дальнейшие исследования могильников, надеемся, позволят ответить на этот вопрос.

Из всех исследованных погребений большинство имеет западную ориентировку. Так, в Черновке 76 % от общего количества похороненных имели именно такое положение. Ориентация на северо-запад и север составляет по 8 %, к юго-западу — 4 %, один — неизвестно (Возний 2009: 373). Западная ориентация погребенных достаточно распространена в погребальном обряде у многих народов, начиная с раннего железного века. Она объясняется тем, что по старому славянскому обычаю хоронить умершего головой к западу, а лицом

Рис. 10. Рубленая рана на черепе из погребения 9 на Черновском городище. Фото автора.

Fig. 10. Chop wound on a skull from burial 9 at the Chernovka settlement. Photo by the author.

к востоку следует потому, что «то бо последнее видить солнць до общего воскресѣния» (Вопросы 1908: 37). То есть потусторонний мир, куда отходит душа умерших, находится на западе. Подобная ориентировка довольно распространена на территории древней Руси.

Встречаются ингумации, отмеченные определенными особенностями. Так, на Черновском городище в погребении №9 на затылочной кости свода черепа похороненного сохранились следы рубленой раны в виде ямки шириной 0,5 см, длиной 7 см (Возний 2009: 373). Как было установлено специалистами медико-криминалистической экспертизы, рана возникла в результате действия лезвия рубящего оружия (топор, меч), направленного под углом в направлении снизу вверх. При этом человек остался жить, поскольку рана зажила, и на черепе образовался костный нарост (рис. 10). Аналогичная ситуация прослежена во вмурованном в ленточный фундамент белокаменного храма Васильева саркофаге (Тимошук 1992: 23). Череп мужчины в возрасте 30—40 лет был травмирован при жизни. Шрам от удара еще при жизни начал зарубцовываться. В том же Васильеве, внутри белокаменного храма, в саркофаге №2 среди тазовых костей одного из погребенных торчала железная двухшипная стрела больших размеров (Тимошук 1982: 145). Прижизненные рубленые раны, наконечники стрел, повлекшие смерть похороненных, обнаружены на могильниках Каменка-Днепровская, Жовнинский (Дяденко, Моця 1986: 86). Возможно, в этих случаях имеем дело с погребенными воинами.

Грунтовые могилы на поверхности в древности могли обозначаться знаками. Так, на территории древнерусского кладбища XII — первой половины XIII вв. в с. Мусоровка раскопано погребение, на поверхности которого, в ногах покойника, стояла каменная подставка в виде прямоугольной плиты размерами 0,3×0,75×0,85 м (рис. 11). В нее был вставлен прямоугольный в сечении столб (0,2×0,25 м), высотой 1,2 м. Верхняя часть столба оформлена в виде квадратной плиты размерами 0,4×0,4×0,25 м. Ингумация и надгробный столб ориентированы на восток. В заполнении могильной ямы находилась керамика XII — первой половины XIII вв. Погребение совершено по христианскому обряду. Но наряду с этим, в науке известны надгробия языческого времени, о которых сообщают письменные источники. «Потом они построили... нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку хаданга, написали на ней имя мужа и имя царя руссов» (Фадлан 2012: 83). Мусоровское надгробие относится к древнерусскому времени, когда под влиянием христианства погребения стали отмечать крестами. Отсутствие на столбе изображений христианской символики привело к появлению гипотез, согласно которым мусоровское надгробие считалось пережитком языческой мемориальной традиции, в частности, связанной с фаллическим культом (Тимошук 1982: 256). Р. Забашта относит его к образцам христианских памятников типа ранневизантийского надгробия, известного из Чуфут-Кале (Забашта 1998: 183). При этом он отмечает, что христианский обряд погребения в Мусоровке недвусмысленно убеждает в удельной христианскости и самого надгробия, и может свидетельствовать о традиционности столбовых надгробий с квадратным завершением для христианской культуры Украины в течении длительного исторического периода. Такие надгробия похожи на так называемые столбовые часовни, известные на других территориях. В космо-теологическом смысле храм мыслится местом пребывания Духа Святого, то есть раем, отождествлявшимся с образом «Нового Иерусалима». Таким образом, мусоровское надгробие может осмысливаться как путь души покойного в рай, то есть иметь чисто христианское значение.

Возможно, большим камнем отмечалось подлитное погребение №8 в ур. Замчище летописного Васильева. Камень 0,2×0,25 м лежал у изголовья умершего на краю могильной ямы (Томенчук 2006: 99).

Рис. 11. Каменное надгробие из с. Мусоровка. Фото автора.

Fig. 11. Stone gravestone from the village Musorovka. Photo by the author.

Встречаются на исследуемых территориях и аномальные захоронения. Так, в Боровцах в могиле №2 (ингумация «в») лежал скелет длиной 0,95 м, при том, что это был взрослый человек возрастом 25—35 лет (Войнаровский 1992: 37). Очевидно, здесь была похоронена физически нездоровая особа, неспособная к полноценному труду.

Для грунтовых погребальных памятников характерны погребения без инвентаря, что составляет 88% (Черновка), 87,5% (Ленковцы на Пруте), 77,3% (Васильев) от общего количества. Такая же картина наблюдается на большинстве древнерусских погребальных памят-

№6. 2022

ников (Моця 1990: 59). Это связано с христианскими догмами, согласно которым каждый, кто приходил на «суд Божий» в конце своей жизни, должен был явиться с теми материальными ценностями, с которыми он в эту жизнь вступал — то есть ни с чем. Но в ряде случаев встречены бытовые предметы, женские украшения, вооружение и т. д.

Весьма редко встречаются остатки деревянных гробов. Из всех погребений следы гробов прослежены только в 9 могилах. В большинстве случаев гробы обнаружены в подплитных погребениях, костнице и саркофагах. Их остатки в виде трухлявых дубовых или сосновых досок, серебряных гвоздей длиной 1,95 см, шириной шляпки 0,52 см, и серебряных пластин, кованых гвоздей длиной 15 см (саркофаг №3), обнаружены в разных частях Васильева (Тимошук 1982: 145, 147). Остатки гробов не позволяют реконструировать вид этих символических «домов мертвых» (рис. 12). Очевидно, они относились к обычным деревянным погребальным сооружениям, сбитым гвоздями, известным из раскопок из других могильников (Моця 1990: 59). Вероятно, такие гробы относятся к типу В по М. Сагайдаку, выделенному по материалам раскопок могильника на Киевском Подоле (Сагайдак 1991: 99). Еще одна разновидность гроба исследована в Онуте. Очевидно, здесь находился гроб, сложенный без крепления гвоздями. Как правило, в подплитных захоронениях ширина могильных ям была не менее 0,7 м. В Онуте могильная яма не была широкой — 1,8×0,55 м, что позволяет предположить наличие в ней гроба типа А по М. Сагайдаку. Это прямоугольный ящик, сложенный из колотых досок. Его, очевидно, окончательно собирали перед самым погребением покойника непосредственно в гробнице. Сначала в нее спускалась доска дна гроба, дальше боковины, прижимавшиеся торцевыми досками к земляным стенкам. Сверху накладывалась одна или две нетолстые доски. Остатки гроба в виде древесного тлена, гвоздей отмечены во многих могильниках из территории Древнерусского государства (Маярчак 2018: 281; Шекун, Веремейчик 1999: 44; Петрашенко 2005: 48).

Часто в засыпке могильных ям и возле покойников обнаружены фрагменты древнерусской гончарной посуды, иногда со следами повторного обжига (Черновка, Васильев, Мусоровка, Иванковцы, Ленковцы на Пруте, Митков, Боровцы). В Ленковцах на Пруте, в засыпке гробницы №15, встречен фрагмент ручки амфоры, №9 — стенки амфор (Возний

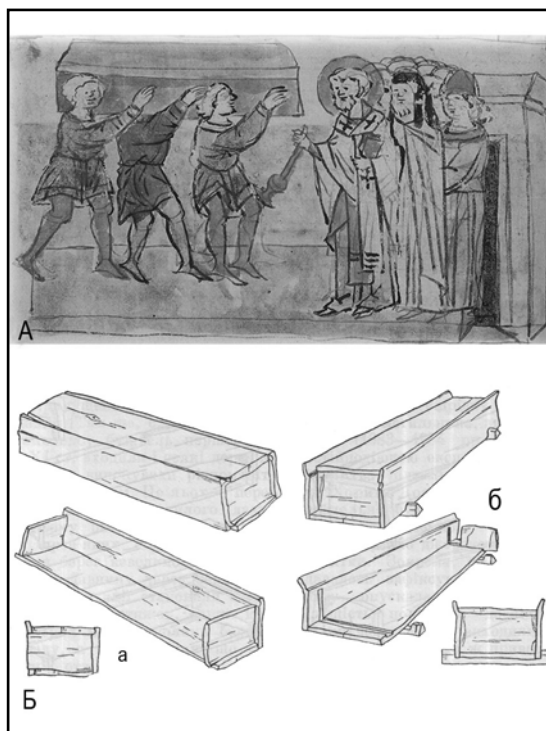

Рис. 12. Перенесение гроба с телом Ярополка Изяславича в Киев. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV века (А). Технологические приемы изготовления гробов (Б): тип А — а; тип В — б (по Сагайдак 1991: рис. 52; 53).

Fig. 12. Transferring the coffin with the body of Yaropolk Iziaslavich to Kyiv. Miniature from the Radzivilov Chronicle. Late 15th century (A). Technological methods for making coffins (B): type A — a; type B — б (after Сагайдак 1991: рис. 52; 53).

2009: 376). Аналогичная посуда обнаружена в Вышгороде, Киеве, Жовнино, Олешкове, Белгородце, Лесковом и т. д. (Моця 1990: 59; Шекун, Веремейчик 1999: 176).

Как пережиток обряда трупосожжения встречаются следы угля и золы в засыпке могильных ям (Ленковцы на Пруте, Васильев, Черновка), а возле умерших эти следы известны в Окне, Дубовцах, Мусоровке, Иванковцах, Васильеве, Мыткове (Тимошук 1982: 160, 177, 179, 180). Аналогичная пепельно-угольная подсыпка известна и на других могильниках Древнерусского государства.

Остатки флоры, а именно пережженного зерна гороха, встречены в саркофаге №3 из храма Васильева. Зерно найдено в погребениях №8, 9 на Черновском городище (Возний 2009: 376). Аналогично, зерна дикой груши найдены в Каневе (Моця 1990: 59).

Нередко в могильных ямах встречаются кости животных (Черновка — челюсть животного (погребение №8), Васильев — саркофаги

№3, 4). Похожие находки известны и на других могильниках.

В одном случае в Онуте возле скелета найдено орудие труда, а именно железная игла. Аналогичные находки известны и на других могильниках.

Встречаются в погребениях и элементы костюма, среди них: круглая с дырочкой костяная пуговица диаметром 1,5 см (Васильев), пуговица с костяной головкой и железной дужкой (Боровцы), шелковая ткань с позолотой (Васильев) (Тимошук 1982: 158, 160; Войнаровський 1992: 37). Аналогичные находки известны на Жовнинском могильнике. В Ленковцах на Пруте в захоронении обнаружены остатки шелковой ткани, а возле шеи погребенной — шелковая золототканная лента (Тимошук 1982: 177, 178). В подплитном захоронении из Васильева на черепе отмечены следы шелковой ленты шириной 4 см, а возле черепа — шелковая ткань, к которой было прикреплено 7 позолоченных бубенчиков (Тимошук 1982: 160). В костнице №3 засвидетельствованы остатки парчовой ткани. Здесь же в костнице №6 прослежены остатки кожаной обуви. Аналогичные повязки из парчи, сотканые золотыми и серебряными нитями, известны, например, в Белгороде, костяная и бронзовая пуговицы — на Григоровском могильнике, Лесковом (Петрашенко 2005: 48; Шекун, Верейчик 1999: 176).

Значительное количество находок из захоронений составляют украшения. Среди них: бронзовые и позолоченные бубенчики (Васильев, Ленковцы на Пруте, Маморница, Шипинцы), бусины, покрытые зернью (Васильев), бочкообразная металлическая и бронзовая цилиндрическая бусины, височные кольца с заходящими друг за друга концами (Васильев, Митков), в полтора оборота, височное кольцо диаметром 3 см с восемью стеклянными бусинами (Васильев), S-образное кольцо (Боров-

цы), серебряные однобусинные серьги (Черновка), серьги «киевского типа» (Малятинцы, Васильев, Митков, Шипинцы), серебряные и медные серьги, перстни (Васильев, Боровцы), стеклянные браслеты (Васильев) (Возный 2009: 377; Тимошук 1982: 147, 158—161, 179, 191). Интересны серьги из погребения в с. Маморница. Они отлиты в каменной форме и состояли из кольца, от которого отходят 5 украшенных псевдозернью лучей, а в середине колец размещены фигурки двух птиц. Аналогичные находки широко представлены в погребальных памятниках из других земель Древнерусского государства (Петрашенко 2005: 48).

Иногда в погребениях встречаются чельца-диадемы. Это серебряные пластины прямоугольной (Черновка, Ленковцы на Пруте) и квадратной (Кицмань, Санковцы) формы с тисненым орнаментом, которые нашивались на ленту и служили головным убором для незамужних девушек. Иногда на лицевой стороне пластин крепились полушария с проволочными петлями, к которым прицеплялись фигурные пластины в форме листиков.

В погребениях встречаются и культовые предметы, и амулеты, а именно: в Мыткове обнаружена бронзовая подвеска-лунница, кремневые отщепы (Васильев). Последние обнаружены на могильниках и с других территорий.

Таким образом, археологические материалы, полученные в ходе исследований на территории северной части Буковины, позволяют прийти к выводу, что духовная жизнь местного населения X—XIV вв. развивалась в общем русле древнерусской культуры, и ей были присущи те же черты. Поэтому изучение могильников широкими площадями на региональном уровне позволит в дальнейшем ответить на ряд нерешенных вопросов в области духовной культуры древнерусского населения в целом.

Литература

- Аулих В.В. 1990. Погребальные памятники Галицкой земли. В: Черныш А.П. (отв. ред.). *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды)*. Киев: Наукова думка, 152—155.
- Баранов И.А. 1990. *Таврика в эпоху раннего средневековья*. Киев: Наукова думка.
- Бълхова М.И. 2002. Монастыри на Руси XI — середины XIV века. В: Синицына Н. (ред.). *Монашество и монастыри в России XI—XX века: исторические очерки*. Москва: Наука, 25—56.
- Возный И.П. 2009. *Историко-культурный розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X—XIV ст. Ч.2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток*. Чернівці: Золоті литаври.
- Войнаровський В.М. 1992. Підплитові поховання давньоруського могильника Борівці на Буковині. В: Ковтанюк Н.Г. (відп. ред.). *Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки: Тематичний збірник наукових праць*. Київ: Національний музей історії України, 33—45.
- Вопросы Кирика, Савы и Ильи с ответами Нифонта, епископа Новгородского и других иерархических лиц. 1908. В: Павлов А.С. (ред.). *Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв.* Санкт-Петербург: Типография М.А. Александрова, 21—62.

- Выжарова Ж.Н. 1973. Славяне и протоболгары в связи с вопросом средиземноморской культуры. В: Михайлов Стамен (ред.). *Славяните и средиземноморский свят VI—IX век*: материалы от Международен симпозиум по славянска археология. София, 23—29 април 1970 г. София: БАН. 239—266.
- Генинг В.В., Генинг В.Ф. 1985. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта. В: Генинг В.Ф. (отв. ред.). *Археология и методы исторических реконструкций*. Киев: Наукова думка, 136—161.
- Дяденко В.Д., Моця О.П. 1986. Жовнинський могильник XI—XIII ст. *Археологія* 54, 82—90.
- Житие преподобного Авраамия Смоленского. 1997. В: Лихачев Д.С., Дмитриев Л.А., Алексеев А.А., Поньрко Н.В. (ред.). *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 5. XIII век. Санкт-Петербург: Наука, 13—23.
- Забашта Р. 1998. Фігурний надгробок XII—XIII ст. зі с. Мусорівки Чернівецької області (питання ідейно-образного значення). В: Бервецький З., Скоп Л. та ін. (ред. кол.). *Сакральне мистецтво Бойківщини*. Треті наукові читання пам'яті Михайла Драгана. Матеріали виступів на конференції 19—20 листопада 1998. Дрогобич. Дрогобич: Відродження, 177—186.
- Іванченко Л.І. 2004. Городище в с. Буки — форпост давньоруського кордону Західного Поросся. В: Моця О.П. (ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: Корвін Пресс, 111—117.
- Ипатьевская летопись*. 2001. ПСРЛ 2. Москва: Языки славянской культуры.
- Лаверентьевская летопись*. 2001. ПСРЛ 1. Москва: Языки славянской культуры.
- Луцик І. 2020. Підплитові поховання на території Галицько-Волинських земель: аналіз та узагальнення. В: Булик Наталя (відп. ред.). *Духовна культура населення Прикарпаття, Волині і Закарпаття від найдавніших часів до середньовіччя (вибрані проблеми)*. Львів: б. в., 494—533.
- Макаров Н.А. 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей. *СА* (2), 111—116.
- Маярчак С.П. 2018. *Історико-культурний розвиток Середньодністровського Лівобережжя у IX—XIII ст. і формування Пониззя*. Хмельницький: ФОП Сторожук О.В.
- Моця А.П. 1995. Древнерусские монастыри Среднего Поднепровья (X—XIII вв.). В: Marek Derwich (dir.). *La vie quotidienne des moines et chanoines reguliers au Moyen Age et Temps modernes. Actes du Premier Colloque International du L. A. R. H. C. O. R. Wrocław-Ksiąz, 30 novembre — 4 decembre 1994*. Wrocław: Institut d'histoire de l'Université de Wrocław, 741—752.
- Моця А.П. 1990. *Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв.* Киев: Наукова думка.
- Населення Прикарпаття 1976: Черниш О.П. (відп. ред.). 1976. *Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час*. Київ: Наукова думка.
- Петрашенко В.А. 2005. *Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка)*. Киев: б. и.
- Петраукас А.В. і ін. 2019: Петраукас А.В., Бібіков Д.В., Івакін В.Г., Павленко С.В. 2019. Дослідження середньовічного кургану поблизу с. Тепениця (до питання про кургани з кам'яними конструкціями у Середньому Подніпров'ї). *АДУ* (1 (30)). 75—95.
- Пивоваров С.В., Чеховський І.В. 1992. Знаки Рюриковичів із Василева. *Буковинський журнал* (1), 116—122.
- Пивоваров С.В. 2006. *Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI — перша половина XIII ст.)*. Чернівці: Зелена Буковина.
- Пивоваров С.В. 2020. *Літописний Василів у Середньому Подністров'ї. Історико-краєзнавчі нариси*. Київ: НКПІКЗ; Фенікс.
- Ратич О.О. 1976. Населення Прикарпаття і Волині в епоху Київської Русі та в період феодальної роздробленості. В: Черниш О.П. (відп. ред.). *Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час*. Київ: Наукова думка, 132—206.
- Сагайдак М.А. 1991. *Давньокіївський Поділ*. Київ: Наукова думка.
- Седов В.В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Москва: Наука.
- Сипцын А.А. 1905. Владимирские курганы. *Известия Императорской археологической комиссии* 15, 84—172.
- Смирнов А.П. 1964. К вопросу об археологической культуре. *СА* (4), 3—10.
- Тереножкин А.И. 1976. *Киммерийцы*. Киев: Наукова думка.
- Тимофеев Е.И. 1961. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. *СА* (3), 56—75.
- Тимощук Б.О. 1969. *Північна Буковина — земля слов'янська*. Ужгород: Карпати.
- Тимощук Б.О. 1982. *Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.)*. Київ: Наукова думка.
- Тимощук Б.О. 1992. *Василів — місто Галицької Русі*. Чернівці: Прут.
- Томенчук Б.П. 1985. Древнерусский могильник на Среднем Днестре. *АСГЭ* 26, 88—95.
- Томенчук Б.П. 2000. Три періоди одержавлення Галицької землі (Галицько-Буковинського Прикарпаття) за матеріалами некрополів IX—XII ст. В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Археологічні студії 1*. Київ; Чернівці: Прут, 235—243.
- Томенчук Б.П. 2006. *Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення. Християнізація*. Івано-Франківськ: Гостинець.
- Фадлан А. 2012: Крачковський Ю.И. (ред.). 2012. *Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу*. Москва: Рипол.
- Финно-угры 1987: Седов В.В. (отв. ред.). 1987. *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. Археология СССР 17. Москва: Наука.
- Шекун О.В., Веремейчик О.М. 1999. *Давньоруське поселення Ліскове*. Чернівці: Деснянська думка.
- Януш Б. 1907. Камінь з загадковими знаками в с. Задздрості. *Записки Наукового товариства імені Шевченка* 80, 125—128.
- Dzik M. 2014. Uwagi o funkcji i symbolice konstrukcji wczesnośredniowiecznych grobów w obudowach kamiennych. In: Kurasiński Tomasz, Skóra Kalina (eds.). *Grób w przestrzeni, przestrzeń w grobie. Przestrzenne uwarunkowania w danej obrzędowości pogrzebowej*. Acta Archeologica Lodziana 60. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 87—101.
- Ginalski J., Kotowicz P. 2019. Grób u «wrót węgierskich» — staroruski Sanok I jego najbliższe zaplecze. In: Janeczek Andrzej, Dzik Michał, Parczewski Michał (red.) *Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych* Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich. T. III. Rzeszów: Wydawnictwo uniwersytetu Rzeszowskiego, 123—148.

- Hanuliak M. 1979. Hroby pod nahrobnymi kavenni v 11—14 storoci. *Slovenská archeológia XXVII* (1), 167—186.
- Janusz B. 1918. Zabutki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. *Prace Naukowe*. Dział 1, Humanistyczno-Filologiczny. Tom 5. Łwów: Wydawnictwo Towarzystwa dla Popierania Nauki Polskiej.
- Kalaga J. 2014. Groby z płytami na cmentarzysku przy kościele pod wezwaniem św. Mikołaja w Wiślicy. Aspekt archeologiczny i społeczny. In: Kurasieński Tomasz, Skóra Kalina (eds.). *Grób w przestrzeni,*

przeźren w grobie. Przestrzenne uwarunkowania w danej obrzędowości pogrzebowej. Acta Archeologica Lodziensia 60. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 131—136.

- Miśkiewicz M. 1969. Wczesnośredniowieczny obrządek pogrzebowy na płaskich cmentarzyskach szkieletowych w Polsce. *Materiały Wczesnośredniowieczne* 6, 241—301.
- Rădulescu A., Harțuchi N. 1967. *Cimitirul feudal-timpuriu de la Castelu*. Constanța: Museul regional de arheologie Dobrogea.

References

- Aulikh, V.V. 1990. In Chernysh, A.P. (ed.). *Arkheologiya Prikarpat'ia, Volyni i Zakarpat'ia (rannoslavianskii i drevnerusskii periody)* (Archaeology of Subcarpathia, Volhynia and Transcarpathia (Eneolithic, Bronze and Early Iron Age)). Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 152—155 (in Russian).
- Baranov, I.A. 1990. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovsko-maitskaia kul'tura)* (Taurica in Early Middle Ages (Saltovo-Mayaki Culture)). Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Bylkhova, M.I. 2002. In Sinitsyna N. (ed.). *Monashestvo i monastiri v Rossii XI—XX veka: istoricheskie ocherki* (Monasticism and monasteries in Russia in the 11th—20th Centuries: Historical Essays). Moscow: "Nauka" Publ., 25—56 (in Russian).
- Vozny, I.P. 2009. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok naselennya mezhyrichchya Verkh'n'oho Siretu ta Seredn'oho Dnistra v X—XIV st.* (Historical and Cultural Development of the Population in the Region between the Upper Siret and Middle Dniester in 10th—14th Centurie 2. Material'na, dukhovna kul'tura ta sotsial'no-istorychnyj rozvytok (Material and Spiritual Culture and Social-Historical Development)). Chernivtsi: "Zoloti lytavry" Publ. (in Ukrainian).
- Vojnarovs'kyj, V.M. 1992. In Kovtanyuk, N.H. (ed.). *Arkheolohichni doslidzhennya, provedeni na terytorii Ukraïny protyhom 80-kh rokiv derzhavnymy orhanamy okhorony pam'yatok ta muzeyamy respubliky* (Archaeological Investigations, Carried on the Territory of Ukraine in the 1980's by the State Institutions of Protection of Sites and by the Museums of the Republic). Kyiv: National Museum of History of Ukraine, 33—45 (in Ukrainian).
- Voprosy Kirika, Savy i Il'i s otvetami Nifonta, episkopa Novgorodskogo i drugih ierarkhicheskikh lits (Questions of Kirik, Sava and Ilya with the Answers of Nifont, Bishop of Novgorod, and Other Hierarchical Persons). 1908. In Pavlov, A.S. (ed.). *Pamiatniki drevnerusskogo kanonicheskogo prava (Monuments of Old Russian Canon Law)* 1. *Pamiatniki XI—XV vv. (Monuments of 11th—15th Centuries)*. Saint Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 21—62 (in Russian).
- Vyzharova, Zh.N. 1973. In Mikhajlov, S. (ed.). *Slavyanite i srednizemnomorskij svyat VI—IX vek* (Slavs and the Mediterranean World in the 6th—9th Centuries). Sofia: Bulgarian Academy of Sciences, 239—266 (in Russian).
- Gening, V.V., Gening, V.F. 1985. In Gening, V.F. (ed.). *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsii* (Archaeology and Methods of Historical Reconstructions). Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 136—161 (in Russian).
- Dyadenko, V.D., Motsya, O.P. 1986. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 54, 82—90 (in Ukrainian).
- Zhitie prepodobnogo Avraamii Smolenskogo (Life of Monk Abraham of Smolensk). 1997. In Likhachev, D.S., Dmitriev, L.A., Alekseev, A.A., Ponyrko, N.V. (ed.). *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* (Ancient Russian Literature Library) 5. *XIII vek (13th Century)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 13—23 (in Russian).
- Zabashta, R. 1998. In Bervets'kyj, Z., Skop, L., et al. (ed. board). *Sakral'ne mystetstvo Bojkivshchyny* (Sacral Art of Boykivshchyna). Drohobych: "Vidrodzhennya" Publ., 177—186 (in Ukrainian).
- Ivanchenko, L.I. 2004. In Motsya, O.P. (ed.). *Starodavnij Iskorosten' i slov'yans'ki hrady VIII—X st. (Ancient Iskorosten and Slavic Towns of 8th—10th Centuries)*. Kyiv: "Korvin Press" Publ., 111—117 (in Ukrainian).
- Ipat'evskaia letopis' (Hypatian Codex)*. 2001. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 2. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Codex)*. 2001. Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 1. Moscow: "Iazyki slavianskoi kul'tury" Publ. (in Russian).
- Lutsyk, I. 2020. In Bulyk, N. (ed.). *Dukhovna kul'tura naselennya Prykarpattya, Volyni i Zakarpat'tya vid najdavnishykh chasiv do seredn'ovichchya* (vybrani problemy) (Spiritual Culture of the Population of Ciscarpathia, Volhynia and Transcarpathia from the Earliest Times to the Middle Ages: Selected Issues). Lviv: s. ed., 494—533 (in Ukrainian).
- Makarov, N.A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 111—116 (in Russian).
- Mayarchak, S.P. 2018. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Seredn'odnistrovs'koho Livoberezhzhya u IX—XIII st. i formuvannya Ponyzzya* (Historical and Cultural Development of the Left Bank of Middle Dniester and Formation of Low Land (Ponyzzya)). Khmel'nyts'kyj: "FOP Storozhuk O.V." Publ. (in Ukrainian).
- Motsia, A.P. 1995. In Derwich, M. (dir.). *La vie quotidienne des moines et chanoines reguliers au Moyen Âge et Temps modernes. Actes du Premier Colloque International du L.A.R.H.C.O.R. Wrocław-Ksiąz, 30 novembre — 4 decembre 1994*. Wrocław: Institut d'histoire de l'Université de Wrocław, 741—752 (in Russian).
- Motsia, A.P. 1990. *Pogrebal'nye pamiatniki iuzhnorusskikh zemel' IX—XIII vv. (Funerary Sites from Southern Russian Lands in 9th—13th Centuries)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Chernysh, O.P. (ed.). 1976. *Naselennya Prykarpattya i Volyni za doby rozkladu pervisnoobshchynnoho ladu ta v davn'orus'kyj chas* (Population of Ciscarpathia and Volhynia in the Times of Schedule of Primitive Community and in Ancient Russian Times). Kyiv: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Petrashenko, V.A. 2005. *Drevnerusskoe selo (po materialam poseleonii u s. Grigorovka)* (Ancient Russian Village: by Materials from Settlements near the Grigorovka Village). Kyiv: s. ed (in Russian).
- Petrauskas, A.V., Bibikov, D.V., Ivakin, V.H., Pavlenko, S.V. 2019. In *Arkheolohiya i davnya istoriya Ukraïny* (Archaeology and Ancient History of Ukraine) (1 (30)), 75—95 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S.V., Chekhovs'kyj, I.V. 1992. In *Bukovyns'kyj zhurnal* (Bucovina Journal) (1), 116—122 (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S.V. 2006. *Seredn'ovichne naselennya mezhyrichchya Verkh'n'oho Prutu ta Seredn'oho Dnistra (XI — persha polovyna XIII st.)* (Medieval Population of the Upper Prut and Middle Dniester Interfluve (11th — First Half of 13th Centuries)). Chernivtsi: "Zelena Bukovyna" Publ. (in Ukrainian).
- Pyvovarov, S.V. 2020. *Litopysnyj Vasyliv u Seredn'omu Podnistrov'i. Istoryko-krajeznavchi narysy* (The Annals-

№6. 2022

- tic Town Vasylyv in the Middle Dniester Basin: Essays on History and Local Studies). Kyiv: National Kiev-Pechersk Historical and Cultural Reserve; “Feniks” Publ. (in Ukrainian).
- Ratysh, O.O. 1976. In Chernysh, O.P. (ed.). *Naselennya Prykarpattia i Volyni za doby rozkladu pervisnoobshchynnoho ladu ta v davn'orus'kyj chas (Population of Ciscarpathia and Volhynia in the Times of Schedule of Primitive Community and in Ancient Russian Times)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ., 132—206 (in Ukrainian).
- Sahajdak, M.A. 1991. *Davn'okyiv's'kyj Podil: Problemy topografii, stratygrafii, khronolohii (Ancient Kievan Podil: Issues of Topography, Stratigraphy, Chronology)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).
- Sedov, V.V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv. (Eastern Slavs in 6th—13th Centuries)*. Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Siptsyn, A.A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkeologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 15, 84—172 (in Russian).
- Smimov, A.P. 1964. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 3—10 (in Russian).
- Terenozhkin, A.I. 1976. *Kimmeriitsy (Cimmerians)*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).
- Timofeev, E.I. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 56—75 (in Russian).
- Tymoshchuk, B.O. 1969. *Pivnichna Bukovyna — zemlya slov'yans'ka (Northern Bukovina — a Slavic Land)*. Uzhhorod: “Karpaty” Publ. (in Ukrainian).
- Tymoshchuk, B.O. 1982. *Davn'orus'ka Bukovyna (X — persha polovyna XIV st.) (Old Russian Bukovina (10th — First Half of 14th Century))*. Kyiv: “Naukova dumka” Publ. (in Ukrainian).
- Tymoshchuk, B.O. 1992. *Vasylyv — misto Halys'koï Rusi (Vasylyv — a Town of Galician Rus')*. Chernivtsi: “Pрут” Publ. (in Ukrainian).
- Tomenchuk, B.P. 1985. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 26, 88—95 (in Russian).
- Tomenchuk, B.P. 2000. In Tolochko, P.P. (ed.-in-chief). *Arkheologichni studii (Archaeological Studies)* 1. Kyiv; Chernivtsi: Prut, 235—243 (in Ukrainian).
- Tomenchuk, B.P. 2006. *Arkheolohiia nekropoliv Halycha i Halys'koï zemli. Oderzhavleniia. Khrystyianizatsiia (Archaeology of Necropolises of Galich and Galicia. Formation of the State. Christianization)*. Ivano-Frankiv's'k: “Hostynets” Publ. (in Ukrainian).
- Krachkovskii, Yu.I. (ed.). 2012. *Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu (Ibn-Fadlan's Journey to the Volga)*. Moscow: “Ripol” Publ. (in Russian).
- Sedov, V.V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 17. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- Shekun, O.V., Veremeichyk, O.M. 1999. *Davn'orus'ke poselennia Liskove (Liskove, an Ancient Russian Settlement)*. Chernivtsi: “Desnyans'ka dumka” Publ. (in Ukrainian).
- Yanush, B. 1907. In *Zapysky naukovoho tovarystva im. T. H. Shevchenka u L'vovi (Proceedings of “T.H. Shevchenko” Scientific Society in Lvov)* 80, 125—128 (in Ukrainian).
- Dzik M. 2014. Uwagi o funkcji i symbolice konstrukcji wczesnośredniowiecznych grobów w obudowach kamiennych. In Kurasiński Tomasz, Skóra Kalina (eds.). *Grób w przestrzeni, przestrzeń w grobie. Przestrzenne uwarunkowania w danej obrzędowości pogrzebowej*. Acta Archeologica Lodziana 60. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 87—101.
- Ginalski J., Kotowicz P. 2019. Gród u «wrót węgierskich» — staroruski Sanok I jego najbliższe zaplecze. In Janeczek Andrzej, Dzik Michał, Parczewski Michał (red.) *Pogranicza w polskich badaniach mediewistycznych* Materiały V Kongresu Mediewistów Polskich. T. III. Rzeszów: Wydawnictwo uniwersytetu Rzeszowskiego, 123—148.
- Hanuliak M. 1979. Hroby pod nahrobnyimi kavenni v 11—14 storo-ci. *Slovenská archeológia* XXVII (1), 167—186.
- Janusz B. 1918. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. *Prace Naukowe*. Dział 1, Humanistyczno-Filologiczny. Tom 5. Lwów: Wydawnictwo Towarzystwa dla Popierania Nauki Polskiej.
- Kalaga J. 2014. Groby z płytami na cmentarzysku przy kościele pod wezwaniem św. Mikołaja w Wiślicy. Aspekt archeologiczny i społeczny. In Kurasiński Tomasz, Skóra Kalina (eds.). *Grób w przestrzeni, przestrzeń w grobie. Przestrzenne uwarunkowania w danej obrzędowości pogrzebowej*. Acta Archeologica Lodziana 60. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 131—136.
- Miśkiewicz M. 1969. Wczesnośredniowieczny obrządek pogrzebowy na płaskich cmentarzyskach sześcietowych w Polsce. *Materiały Wczesnośredniowieczne* 6, 241—301.
- Rădulescu A., Harțuchi N. 1967. *Cimitirul feudal-timpuriu de la Castelu*. Constanța: Museul regional de arheologie Dobrogea.

Статья поступила в номер 4 апреля 2022 г.

Igor Vozny (Chernivtsi, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University¹.

Igor Vozny (Cernăuți, Ucraina). Doctor în științe istorice. Universitatea Națională „Yuriy Fedkovych” din Cernăuți.

Возный Игорь Петрович (Черновцы, Украина). Доктор исторических наук. Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича.

E-mail: www.voznyj.igor@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5808-7127

Address: ¹ Kotsyubyns'kyi St., 2, Chernivtsi, 58012, Ukraine